Павел Вадимович ВОЛКОВ

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ: КРИТИКА МЕТОДА И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Принято считать, что в критических дискурсивных исследованиях, особенно в теории Нормана Фэйрклафа, центральное место занимает системно-функциональная лингвистика Майкла Халлидея, согласно которой грамматика языка является его «теорией реальности», а грамматическое есть идеологическое. В этой работе рассмотрены аргументы, касающиеся несовместимости критической парадигмы с уорфианскими представлениями о связи языка с мышлением.

Ключевые слова: *дискурс, язык, социальные изменения, критический дискурс-анализ, системно-функциональная лингвистика, коммуникация.*

Pavel V. VOLKOV

SYSTEM-FUNCTIONAL LINGUISTICS IN CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS: CRITICISM OF THE METHOD AND WAYS OF SOLVING THE PROBLEM

It is generally believed that in critical discursive research, especially in the theory of Norman Fairclough, the central place is occupied by Michael Halliday's system-functional linguistics, according to which the grammar of a language is its „theory of reality“ and grammatical is ideological. In this paper, arguments concerning the incompatibility of the critical paradigm with the Whorfian ideas about the connection of language with thinking are considered.

Key words: *discourse, language, social change, critical discourse analysis, system-functional linguistics, communication.*

Постановка проблемы

Один из основателей критического дискурс-анализа (КДА) Норман Фэйрклаф понимает дискурс как использование языка в социальных контекстах и рассматривает его одновременно как текст (устный или письменный), дискурсивную практику (производство и интерпретацию текста) и социокультурную практику [Fairclough 1995a: 96]. Дискурс — это социальная практика, действие, которое репрезентует материальный мир с той или иной точки зрения и одновременно (наряду с предметно-практическим действием) формирует социальную реальность [Fairclough 2003: 26].

Исследовательский смысл КДА заключается в том, что в дискурсивных изменениях можно увидеть социальные изменения, но что это значит конкретно? Каков метод, позволяющий достоверно и не спекулятивно показать, как именно тот или иной дискурс влияет на материальную действительность? Питер Джонс считает, что причинно-

следственная роль дискурса в социальных изменениях остается не продемонстрированной [Jones 2004: 103]. «КДА не имеет убедительной теории воздействия на аудиторию и реакции аудитории, которая могла бы подтвердить ее утверждения о влиянии дискурсов на людей», — утверждает Рут Бриз [Breeze 2011: 512].

В популярном учебном пособии Марианны Йоргенсен и Луизы Филлипс [Йоргенсен, Филлипс 2008: 117] указано, что теорией связи семиотического и материального в КДА Фэйрклафа является системно-функциональная лингвистика (СФЛ) Майкла Халлидея и, на первый взгляд, это действительно так. Однако в исследовательской практике КДА применение СФЛ оказывается очень ограниченным.

Отношения между людьми, а не между знаками в тексте

Халлидей заявил, что язык — это не только знаковая система, но и социальный институт. «Язык таков, как он есть, в силу функций, которые он развил, дабы служить людям в их жизни» [Halliday 1978: 4], поэтому структуры языка и структуры общества взаимозависимы (даже изоморфны) и поэтому в языке можно выявить общественные отношения. «Грамматика языка не является кодом, набором правил для производства правильных предложений, но есть ресурс для создания значений», — утверждает Халлидей [Halliday 1978: 192].

Отчасти опираясь на СФЛ, Фэйрклаф видит моменты, проблематизирующие ее применение в КДА. Прежде всего, слишком простую и одностороннюю корреляцию между языком и обществом [Fairclough 1992: 26–29]. Халлидей смотрит на язык как на конкретную грамматическую и семантическую систему, то есть смотрит как лингвист, а не как философ и социолог. Критическая лингвистика, по словам Халлидея, изучает то, «как работает язык» [Halliday 2002: 16], тогда как для КДА важно, как «работает» несправедливость и неравенство в обществе. То факт, что дискурсивный аналитик «проникает» в общественную несправедливость через тексты, не меняет сути дела. «Социальные отношения, социальные идентичности, культурные ценности и сознание отчасти семиотические, — пишет Фэйрклаф, — но это не означает, что мы теоретизируем и исследуем социальные отношения, например, таким же образом, как мы теоретизируем и исследуем язык — они обладают различными свойствами, и их исследование порождает различные дисциплины» [Fairclough 2001: 123].

Язык и общество — не одно и то же, их свойства и функции различны, а значит и изучать их нужно разными методами. Лингвистика может многое сказать о дискурсе, скажем, фашизма: например, о том, чем фашистский дискурс отличается от дискурса либерального или коммунистического, какие типичные слова и выражения в нем используются, какие слова регулярно встречаются вместе в словосочетаниях и даже какие значения в них закодированы, но вряд ли она способна ответить на вопрос, стоит ли конкретному человеку бояться фашистов, учитывая его национальность или политические предпочтения. В конце концов это просто не задача лингвистики. «Сила, как говорится, исходит из ствола оружия, но поскольку оружие редко стреляет само по себе, анализ ствола оружия или ударно-спускового механизма не поможет нам решить, как интерпретировать конкретное применение оружия или угрозу его применения и реагировать на это» [Jones 2007: 343]. Питер Джонс имеет в виду, что ни подсчет количества погибших с обеих сторон вооруженного конфликта, ни знание о том, кто произвел первый выстрел, ни выяснение того, сколько осталось неиспользованных боеприпасов и каково устройство примененного в бою оружия, не поможет разобраться с вопросом справедливости изучаемой войны и на чьей стороне должен быть честный человек. Как смысл хождения (а уж тем более передвижения конкретного человека из одной конкретной точки в другую конкретную точку в конкретных обстоятельствах) невозможно понять, изучив структуру ног — количество и расположение костей, мышц и суставов — так и смысл дискурса невозможно понять, изучив лишь структуру текста, в котором он репрезентован.

Лингвист, изучающий дискурс фашизма, будет иметь дело со словами, а человек, живущий в фашистском обществе и столкнувшийся с ненавистническими действиями — с фашистами. И вряд ли последнему чем-то поможет знание о том, сколько раз в публичном доносе против него встречается слово «раса» и означает ли оно «расу» в строго антропологическом смысле или просто в смысле какой-то инаковости. То есть, когда фашист называет кого-то, например, евреем или коммунистом, лингвист думает о национальности и политических убеждениях, а тот, кого так называют, о том, что его сейчас убьют. Для лингвиста наличие в тексте слов «раса», «нация» и «кровь» интерпретируется как «связующий эффект» [Halliday 2002], который может что-то сказать о принадлежности текста к тому или иному политическому течению, в данном случае — фашизму. Но для

лингвистики безразлично, реально ли кровь определяет национальность и следует ли из этого, что не соответствующее представлению о «чистоте крови» население будет уничтожено. А критический дискурс-аналитик рассматривает тот же самый текст с точки зрения судьбы этих «второсортных» людей, разбираясь, что их может ждать и каким образом они могут спастись (не как «работает» язык фашизма, а как «работает» фашизм в языке). Это разные задачи. «КДА должен иметь дело в первую очередь с дискурсивными аспектами злоупотребления властью и вытекающими из этого несправедливостью и неравенством», — утверждает Тен Ван Дейк [Van Dijk 1992: 252]. Отношения между людьми в обществе, а не между словами в тексте [Fairclough 1995a: 71] — вот, что интересует критического дискурс-аналитика.

Языковая форма и социальное значение

В системной лингвистике значения возникают непосредственно в языке, а из грамматических нюансов построения лексем и использованного в текстах словарного запаса можно вывести стоящие за ними общественные процессы и общественных акторов [Wodak 1994: 288–289]. Грамматическое есть идеологическое — на этом постулате зиждется СФЛ, а такие последователи Халлидея, как Ходж, Кресс и Ван Лювен считают, что грамматика языка — это его теория реальности (Kress, Hodge 1979; Kress, Leeuwen 1996]. Но проблема в том, что нет никакой строгой и верифицированной методики выведения идеологии из грамматики. Сам Халлидей говорит лишь о возможности получить «некоторое представление» о социальной основе текста из его грамматики и словарного запаса [Halliday 1973: 65].

По мнению Генри Уиддоусона, аналитики дискурса чаще всего смотрят на значение как на «отражение лингвистического означивания» [Widdowson, 1998: 142], а взаимосвязь текста и поведения его читателя рассматривают в рамках «знакомого уорфианского понятия лингвистического детерминизма» [Widdowson 1998: 139]. Только в случае КДА говорят не столько о грамматике конкретного языка, которая определяет мышление его носителя, сколько о том или ином дискурсе, который определяет мышление устойчивых социальных групп. В таком случае приложение критической лингвистики Халлидея и его последователей к анализу дискурса превращается в версию неподтвержденной гипотезы лингвистической относительности (ГЛО) или иначе гипотезы Сепира-Уорфа — мышление и мировоззрение

формируются языком. Стивен Пинкер по этому поводу сатирически заметил: «Апачи говорят по-другому – стало быть, они и мыслят по-другому. Откуда мы знаем, что они мыслят по-другому? Да вы послушайте, как они говорят!» [Пинкер 2004: 50].

Согласно теории Халлидея, в языке воплощается идеология примерно так, как у сторонников ГЛО язык навязывает человеку определенное видение мира [Тер-Минасова 2000: 47], хотя в психолингвистике и социолингвистике давно общепризнано, что «не существует предсказуемой однозначной связи между какой-либо языковой формой и каким-либо конкретным социальным значением» [Fowler et al. 1979: 198]. Даже сам Бенджамин Уорф не считал, что между культурными нормами и языковыми моделями существуют прямые соответствия, лишь только некоторые связи [Уорф 1960], конкретизировать которые и доказать их закономерность не получается, поскольку конституирование в дискурсе не тождественно конституированию в реальности.

Идеальное не становится материальным путем обличения идеального в знаковую форму. Если слова и предложения способны непосредственно преобразовываться в материальные объекты и действия с ними, придется признать существование магии. Рой Харрис считает, что лингвистический анализ не может быть первичным в социальных исследованиях текстов, поскольку знаки всегда формируются участниками коммуникации в зависимости от их «коммуникативных навыков» [Harris 1996: 44]. Поэтому выявление «того, что подразумевается» из «того, что сказано» на основании предположения о наличии семантически предопределенных, «общепринятых», конвенциональных значений, он называет «чтением мыслей» или «телементацией» [Harris 1981, 1996], т.е. тоже своего рода магией. Выведение материальной реальности из выраженных в дискурсе представлений о таковой Симпсон оценивает как «интерпретативный позитивизм», в рамках которого исследователи ссылаются на лингвистические описания как на способ подтверждения заранее сделанных ими выводов о смысле текста [Simpson 1993: 111].

Само по себе наличие взаимосвязи между дискурсом и идеологией, дискурсом и представлениями людей о реальности, дискурсом и поведением сомнений не вызывает. Вопрос лишь в том, что, как никогда не была доказана ГЛО, так невозможно доказать и наличие прямой связи между текстом и общественным устройством. Майкл Стаббс, который прямо называет «детьми Уорфа» тех дискурс-аналитиков,

которые пользуются СФЛ, уточняет, что для выводов о том, что люди думают на основании того, что они читают или слышат, необходимы неязыковые доказательства убеждений людей, т.е. исследование их поведения [Stubbs 1997]. Фэйрклафу об этом известно. Он пишет, что «как только критическая лингвистика устанавливает идеологические значения текста, она склонна воспринимать их идеологические последствия как нечто само собой разумеющееся», но «тексты могут быть открыты для различных интерпретаций в зависимости от контекста и интерпретатора, что означает, что социальные значения (включая идеологии) дискурса не могут быть просто считаны с текста без учета закономерностей и вариаций в социальном распределении, потреблении и интерпретации текста» [Fairclough 1992: 28].

Далее, Фэйрклаф считает, что Халлидей «пренебрегает дискурсом как областью, в которой происходит социальная борьба» [Fairclough 1992: 28]. Слова не изолированы от дел ни когда мы их произносим, ни когда интерпретируем. Слово — это тоже дело, но дело преобразования знаков, а не предметного мира, поэтому дискурс не тождествен социальной реальности. Высказывание можно адекватно понять только в рамках согласованных действий участников коммуникации, а это исключает возможность надежно установить фиксированную связь между «словарными» значениями слов и общественными структурами. Абстрагирование высказываний до структур языка лишает возможности понять, о чем эти высказывания. Не подкрепленная материальными основаниями сила дискурса ограничена, интересующий КДА вопрос власти редко решается в дискурсивном поле — довольно сложно заставить прохожего отдать грабителю деньги одними лишь угрозами, зато наличие пистолета в руках у грабителя делает угрозы излишними, потому что «вопрос о том, кто здесь главный, был решен с самого начала» [Jones 2007: 346]. Как писал Антонио Грамши, «государство является гегемонией, облаченной в броню принуждения» [Грамши 1959: 247]. Гегемония, в т. ч. дискурсивная, рождается из принуждения и лишь затем устанавливает согласие. Соответственно, чтобы понять смысл гегемонистского дискурса, нужно понять смысл устанавливающей его власти. Но Халлидей и его ученики в рамках СФЛ смотрят на проблему как бы «внутри языка», что, как утверждают Ильин и Фомин, значительно ограничивает возможности анализа «от социальных институтов и явлений к их коммуникативным и символическим соответствиям» [Ильин, Фомин 2018: 401].

Еще в 1987 году (эссе было переиздано с некоторыми изменениями в 1996 году) один из отцов-основателей критической лингвистики Роджер Фаулер выразил разочарование в том, что дискурс-аналитики недостаточно занимаются «вопросом истории и контекста» [Fowler 1996: 9]. То есть важность контекста признается всеми, но в реальных исследованиях конкретных текстов описательные инструменты лингвистики все же ставятся на первое место в качестве инструмента для доступа к интерпретации текста. Фаулер же объяснял, что «лингвистическое описание» — это всего лишь вспомогательный инструмент, который следует использовать «на более позднем этапе, как средство получения некоторого представления о значениях, которые человек эвристически присвоил тексту» [Fowler 1996: 9]. Иначе говоря, в смысл текста дискурс-аналитик вникает с помощью своих знаний и опыта в той сфере, которой касается текст, а лингвистические инструменты помогают уточнить отдельные моменты. Речь политика требует политического анализа, проект государственного бюджета — экономического, рассказ пациента врачу о своих болезнях — медицинского.

Социальное высказывание и коммуникативное поведение

Рут Водак утверждает, что не существует единой и общепризнанной теории медиации дискурса и общества, с чем связаны основные трудности многих исследований [Wodak 2006: 109]. Однако, несмотря на отсутствие единой теории медиации, не вызывает сомнений, что для дискурс-исследователя слова и то, кто их произносит и в каких обстоятельствах — это единая коммуникативная система: «Когда мы справедливо осуждаем расистские оскорбления и сопротивляемся им, мы реагируем на коммуникативное поведение, а не на слова, какими их видит словарь или лингвист; люди могут быть расистами, слова – нет» [Jones 2007: 342]. Живые, постоянно изменяющиеся культурные, экономические, психологические противоречия внутри этой системы не сводятся к грамматике языка.

Дискурс-аналитики в большинстве своем согласны с тем, что осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом наиболее полно и естественно достигается при сочетании лингвистического, политологического, социологического и психологического подходов. Но как недостаточно просто сказать, что дискурс встроен в контекст, так невозможно непосредственно

сопоставить категории из разных областей знаний [Wodak 2006: 109]. Необходимо осмыслить дискурс как «неотъемлемый момент в процессе порождения социальной жизни конкретных сообществ в определенное время и в определенном месте» [Collins, Jones 2006: 52]. Рой Харрис предлагает рассматривать коммуникацию не как процесс, в котором люди воплощают установленные заранее в «жанре», «регистре» или «языковой системе» значения, а «наравне со всеми другими формами добровольного человеческого действия» [Harris 1981: 167], то есть как поведение в определенных условиях.

Знаки не даются заранее, но создаются [Love 2004: 531], а деятельность по созданию знаков является коммуникацией [Jones 2011: 13]. Но коммуникация — это специфическая деятельность, задача которой — обеспечить смысловую связь между предметно-практическими видами человеческой деятельности. Таким образом, создавать знаки можно только действуя с определенной целью в постоянно изменяющемся материальном мире. Знаки не имеют никакой внутренней связи с практическими целями, достижению которых они способствуют, поэтому связь устанавливается субъектом деятельности и посредством его деятельности с объектами, с которым он вступает в контакт. Именно поэтому Ван Дейк пишет, что «специалисты по критическому дискурсу должны быть также социологами и политологами, а также социальными критиками и активистами» [Van Dijk 1992: 253].

Установление знаковых связей психологично: «ощущения становятся знаками, потому что — и постольку, поскольку — они объединяют прошлые воспоминания с текущей программой действий» [Harris 1996: 176]. Так, Харрис приводит пример передвижения по знакомой комнате в темноте, когда человек натыкается на предметы, которые идентифицируются им как стулья, столы, двери и т. д. по памяти. То есть ощущения в контексте конкретных действий формируют определенные значения. Поэтому значения преходящи, ограничены во времени, а слова — инструменты для достижения коммуникационных целей с функцией «контекстуализированной интеграции действий» [Harris 2008: 112], но не статичные обозначения вещей и идей. Это значит, что словарные лингвистические значения слов мало что дают для понимания дискурса в конкретной исторической ситуации. Также это значит, что смысл формируется не в символах «в голове», а в деятельности с объектами «вовне». Там же следует искать и связь семиотического с материальным, а для этого нужна такая теория

социальной практики, неотъемлемым моментом которой является коммуникация, то есть вербальная деятельность.

Очевидно, что мысли нельзя передать непосредственно из одного сознания в другое (как и прочитать их в чужом сознании). Для передачи нужны посредники в виде знаков, а они, как утверждает Валентин Волошинов, суть арена классовой борьбы [Волошинов 1993: 28], а значит, по своей природе не могут быть «общепринятыми». Содержание нестабильно и зависит от контекста [Recanati 2004: 141], дискурсы определенным образом «облекают» мир в слова, но в разных дискурсах одни и те же слова могут иметь разный смысл [Fairclough 2003: 131].

Невозможно из метафорического высказывания «солнце взошло» сделать вывод о приверженности высказавшего геоцентрической теории или из высказывания «слава богу» — вывод о религиозности высказавшего. Если грамматика языка — это его теория реальности, то врач, выписывающий страдающему, скажем, от воспаления легких пациенту лекарство, которое «поставит его на ноги», должен реально считать, что препарат дается именно для того, чтобы пациент встал. Однако на практике такое вряд ли возможно.

«Слова могут быть „просто“ словами и „пустыми словами“, а изменения в дискурсе, которые кажутся изменениями в социальных практиках, могут не быть таковыми. Единственный способ определить, так ли это, — проанализировать взаимосвязь между дискурсом и другими аспектами социальных практик» [Chouliaraki, Fairclough 1999: 23]. Если анализировать дискурс сам по себе, без связи с материальными практиками, в которых он существует (это будет грамматический, а не социальный анализ), то анализ дискурса не может стать методом изучения социальных изменений.

Выводы. Тексты (не языки, а именно тексты) действительно несут на себе отпечаток идеологий, но считать идеологию из текста самого по себе невозможно, потому что смыслы воспринимаются в ходе интерпретаций текстов, а разные люди могут интерпретировать их совершенно по-разному, часто оказываясь вообще невосприимчивыми к воздействию идеологий [Morley 1983]. Этот момент СФЛ не учитывает.

Также СФЛ не может определить, является ли высказывание истиной или заблуждением, правдой или ложью. Фэйрклаф признает это. «Конечно, анализ дискурса сам по себе не может судить об истинности или обоснованности высказывания. Но тогда критический дискурсивный анализ — это всего лишь один из методов, который следует использовать в рамках более широких критических

проектов», — пишет он [Fairclough, 1995b: 18]. Объект исследования лингвистики (в т.ч. системной лингвистики Халлидея) — язык, объект исследования КДА – текст с учетом интертекстуальности (в контексте других текстов, чего у Халлидея нет) и дискурс-строя. Поэтому лингвистические методы хоть и могут быть использованы на этапе разбора конкретного текста, вопрос интерпретации текста в общественном контексте, вопрос связи текста и идеологии — не то, что может быть непосредственно инкорпорировано в КДА из лингвистики.

Поэтому, хотя Фэйрклаф действительно часто ссылается на системную лингвистику, когда объясняет, что семиотическое связано с материальным (без подробного объяснения, как именно установить эту связь), жесткая привязка его версии КДА к теории Халлидея, которая представлена в уже упомянутом пособии Йоргенсен и Филлипс, является упрощением вплоть до искажения. «Я неоднократно ссылался на системную лингвистику, которая обладает рядом преимуществ с точки зрения КДА», — пишет исследователь, но в долгосрочной перспективе критический дискурсивный анализ должен «способствовать разработке новой социальной теории языка» [Fairclough 1995b: 10].

Это крупнейшая задача для развития теории КДА, решение которой даже в рамках только одной из многочисленных школ дискурс-анализа могло бы стать прорывом, снимающим значительную часть критики этого исследовательского направления.

Список литературы:

Breeze R. Critical Discourse Analysis and Its Critics // Pragmatics. 2011. № 214(4). P. 493–525.

Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 168 p.

Collins Ch., Jones P. E. Analysis of Discourse as “a Form of History Writing”: A Critique of Critical Discourse Analysis and an Illustration of a Cultural-Historical Alternative // Atlantic Journal of Communication. 2006. № 14(1–2). P. 51–69.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. Routledge, 2003. 269 p.

Fairclough N. Discourse and social change. Oxford: Polity Press, 1992. 259 p.

Fairclough N. Media discourse. London: Arnold, 1995a. 211 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. London: Longman, 1995b. 265 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis as a method in social scientific research. In: Wodak R. & Meyer M. (Eds.), 2001. P. 121–138.

Fowler R. On critical linguistics. In C. R. Caldas Coulthard & M. Coulthard (Eds.), Texts and practices: Readings in critical discourse analysis. London: Routledge, 1996. P. 3–14.

Fowler R., Hedge B., Kress G. and Trew T. Language and Control. Routledge: London, 1979. 224 p.

HalIiday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. London: Edward Arnold, 1973. 143 p.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.

Halliday M.A.K. Linguistic studies of text and discourse. In J. Webster (Ed.), The Collected Works of M. A. K. Halliday, vol. 2. London: Continuum, 2002. P. 1–320.

Harris R. The Language Myth. Duckworth, London, 1981. 212 p.

Harris R. Signs, Language and Communication. London: Routledge, 1996. 279 p.

Harris R. Mindboggling: Preliminaries to a Science of the Mind. The Pantaneto Press, 2008. 173 p.

Jones P.E. Discourse and the Materialist Conception of History: Critical Comments on Critical Discourse Analysis // Historical Materialism. 2004. № 12(1). P. 97–125.

Jones P. E. Why there is no such thing as "critical discourse analysis" // Language & Communication. 2007. № 27. P. 337–368.

Jones P. E. Signs of activity: integrating language and practical action // Language Sciences. – 2011. – № 33(1). – P. 11–19.

Kress G., Hodge, R. Language as ideology. London: Routledge; Kegan Paul, 1979. 163 p.

Kress G., Leeuwen, T., van. Reading images: The grammar of visual design. London: Routledge, 1996. 312 p.

Love N. Cognition and the language myth // Language Sciences. – 2004. – № 26(6). – P. 525–544.

Morley D. Cultural transformations: The politics of resistance. In H. Davis & P. Walton (Eds.), Language, image, media. Blackwell, 1983. P. 104–117.

Recanati F. Literal Meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 179 p.

Simpson P. Language, Ideology and Point of View. London: Routledge, 1993. 216 p.

Stubbs M. Whorf's children: Critical comments on critical discourse analysis. In A. Ryan, and A. Wray (eds.), Evolving models of language. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. P. 100–116.

Van Dijk T. Principles of critical discourse analysis // Discourse & Society. 1992. № 4(2). – P. 249–283.

Widdowson H. The theory and practice of Critical Discourse Analysis // Applied Linguistics. 1998. №19(1). P. 136–151.

Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In Handbook of Pragmatics. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. P. 50–70.

Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // Discourse Studies. 2006. №8(1). P. 179–190.

Волошинов В.Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. «Лабиринт», 1993. 188 с.

Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. III: Тюремные тетради. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 565 с.

Ильин М. В., Фомин И. В. Социальная семиотика: комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, 2018. С. 399–401.

Йоргенсен М.В., Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 456 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / Под ред. С.Г. Тер-Минасовой. М.: Слово, 2000. 261 с.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – 1960. – №. 1. – С. 135–167.

ВОЛКОВ Павел Вадимович – аспирант Института медиа, НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).